

К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТЕ И В ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

1. Общеизвестно, что выделение терминов из всего состава слов научного или научно-технического текста представляет большую трудность и до сих пор нет сколько-нибудь отработанной методики решения этой задачи. Многие исследователи склонны вообще не замечать этого затруднения или рассматривают его как чисто техническое. На наш взгляд, здесь заключено несколько принципиальных методологических и теоретических проблем.

2. Каждый научный текст, независимо от того, что в нем репрезентировано — особая теоретическая концепция или данные какого-то частного эмпирического исследования, представляет собой некоторое единое смысловое целое, определенную смысловую структуру. И если мы предполагаем, что в этом тексте есть термины, то прежде всего должны рассматривать их как функциональные элементы этой смысловой целостности /или структуры/. Более того, по-видимому, именно термины в отличие от других слов в этом тексте, очерчивают и задают "скелетную схему" предмета и объекта изучения, выраженных в тексте, ту совокупность самых существенных характеристик и моментов, которые противопоставляют эти предметы и объекты другим.

Из этого следует, что уже даже формально мы можем говорить о связности и системности терминов в тексте. Вопрос только в том, что за системность и как она может быть выявлена.

3. Та системность слов-терминов, о которой мы выше говорили, задается прежде всего отношениями каждого из них к целостности той феноменальной действительности, которую автор выразил в тексте, и существует в единой системе смысла этого текста /см. Г. П. Щедровиц-

кий, Значения как конструктивные компоненты знака, — в сб. "Вопросы семантики. Тезисы докладов". М., 1971/. Поэтому только автор может решить, какие слова являются терминами в его работе, может выделить их полный набор. Он делает это, исходя из своего "виденья" предмета и объекта изучения и при этом ориентируется на все те смысловые и понятийные оппозиции, которые были установлены им в ходе его научно-исследовательской работы и индивидуального духовного развития и являются, на его взгляд, существенными для конституирования его предмета и объекта в отличие от предметов и объектов других исследователей.

Но такое понимание терминов и их системности, естественно, не может нас удовлетворить, даже если оно абсолютно правильно и точно. Ведь термины по тому смыслу, который мы вкладываем в это слово, и по целям терминологической работы должны быть наиндивидуальными; существуя в множестве индивидуальных систем смысла, они в то же время должны приносить в этот смысл культурно-историческое, общезначимое, они должны связывать каждый индивидуальный текстуальный смысл с понятиями, предметами и объектами изучения, существующими вне каждого из этих текстов и имеющими общий, культурный, нормативный и принудительно навязываемый смысл. Одним словом, термины должны иметь еще иные смыслы и значения, задаваемые какими-то иными системами, нежеди системы смыслов, репрезентируемых отдельными авторскими текстами. Таким образом, мы приходим к вопросам: что представляют собой эти наиндивидуальные, культурно-исторические значения, придающие словам-терминам предметную и объектную системность, и как эти значения создаются?

4. В ряде работ /см., например, "Значения как конструктивные компоненты знака", а также "Структура знака: смыслы и значения" —

об. "Научная мысль", № 8, АПН, 1971/ мы попробовали реконструировать тот механизм функционирования человеческой деятельности, который в контексте коммуникации и трансляции порождает на индивидуаль-
ные "конструкции значений" и включает их в систему исторически меняющейся культуры.

По этот процесс рассматривался нами с позиций внешнего наблюдателя, как то, что совершается естественно и как бы само собой, и поэтому анализ, кроме представления о необходимости такого процесса, не давал и не мог дать никаких знаний и методических средств, которые помогли бы человеку, включенному в этот процесс, создавать системы на индивидуальных значений, опираясь на те или иные совокупности индивидуализированных текстов и заключенных в них систем слов. Чтобы получить подобные знания и методики, надо проделать анализ особого типа, находясь в позиции, которую мы характеризуем обычно как совмещение внешней и "заимствованной" позиций /см., например, В.А.Лефевр, Конфликтующие структуры, М., 1967/. Особенность этой позиции и специфического для нее анализа состоит в том, что и исследователь, как бы заимствуя индивидуальную позицию автора рассматриваемого текста, старается представить и уяснить себе его систему смысла, ту картину действительности, которую он имел и зафиксировал в тексте, и одновременно, оставаясь в своей собственной "внешней" позиции, переводит это виденье действительности и эту индивидуальную систему смысла в разнообразные объективные "конструкции значений", изображающие и фиксирующие либо объект изучения, либо предмет изучения, либо знания и понятия, в которых они представлены, либо, наконец, все это вместе и в связях друг с другом.

Именно эта процедура перевода индивидуальных смыслов и картин сознания в систему объективированных и общезначимых "конструкций

значения" оставляет суть терминологической работы. И только после того, как она проделана, термины приобретают объективированную общезначимую системность и становятся терминами в точном смысле этого слова. Но это — их "второе" (мы не говорим "вторичное") существование, и оно нисколько не устраняет и не умаляет их "первого" существования в системах индивидуального смысла и индивидуализированного виденья действительности.

Чтобы осуществить всю эту работу схематизации смысла и перевода ее в конструктивно развертываемые формы значений, исследователь — нам сейчас неважно, будет ли это предметник-теоретик или собственно терминолог, — должен знать, среди прочего, природу двух "вещей": 1) систем индивидуальных смыслов и картин сознания, фиксируемых в текстах, и 2) систем тех объективированных "конструкций значений", в которых он должен будет представлять разнообразные системы смыслов.

5. Предложенная формулировка основной задачи и сути терминологической работы содержит в себе явно парадоксальный момент. Термины определенного научного текста, как мы уже говорили, выражают специфическую структуру его смысла и совершенно особое, специфическое виденье автором текста изучаемой действительности. Каждый из этих терминов существует как элемент системы смысла и всегда, следовательно, сигнализирует об определенном, индивидуальном и неповторимом смысловом поле и целостности этого смыслового поля. Поэтому, если мы захотим зафиксировать все то, что задает и определяет их природу терминов в виде культурно-исторических значений, то должны будем выделять именно специфические моменты, то, что отличает их как термины данной концепции и данного виденья действительности от всех других, а совсем не общие,

не инвариантные. С другой стороны, весь смысл терминологической работы — и об этом мы тоже уже говорили — состоит в том, чтобы создать именно общие употребления слов-терминов в возможно более широкой предметной области, зафиксировать общеупотребительные значения терминов и навязать их отдельным исследователям.

В отличие от парадоксов естественных наук, чисто познавательных и понятийных, этот парадокс характеризует совершенно реальный (можно даже сказать, "вещественный") факт — двойственность существования терминов и очень сложную диалектику их взаимодействия и их взаимозависимости.

Жизнь терминов определяется двумя (по крайней мере) "фокусами", причем каждый, несмотря на объединяющие их связи, имеет свою собственную линию развития, во многом автономную и независимую от другой, подчиняющуюся особым механизмам и закономерностям.

Именно в этом пункте терминологи, как теоретики, так и практики, сталкиваются со своими основными затруднениями и проблемами. Вопрос каждый раз заключается в том, какую стратегию они выберут или должны будут выбирать в своей работе: будут ли они считать, что нужно зафиксировать и сохранить тот индивидуальный набор и ту индивидуальную систему терминов, которую ввел данный рассматриваемый ими исследователь, полагая, что именно она является наиболее точной и перспективной, пойдут ли они на то, чтобы эта система вытеснила и элиминировала все другие, или же, наоборот, они будут стремиться к тому, чтобы интегрировать выражаемую в этом наборе терминов систему смысла с другими, уже существующими системами, как бы "слить" ее с ними, выделяя в виде значений и закрепляя в определениях то общее, то есть в новых и прежних употреблениях терминов.

И самое главное, что нет и не может быть общего ответа на этот вопрос (во всяком случае, в рамках узкотерминологических средств).

6. В сущности это уже вопрос не о терминах, а о том, как мы представляем себе развитие научного знания и научных терминов и что, в соответствии с этим, мы выбираем в качестве принципов и регулятивов нашей конструктивной терминологической работы, проводимой по поводу научных знаний и терминосистем и на материале их естественной эволюции.

Если мы обратимся к реальной практике терминологической работы, то увидим, что в ней присутствуют обе установки. В одних случаях терминологи стремятся во что бы это ни стало сохранить уже существующие наборы терминов и их определений, калеча и выхолащивая системы научных знаний, в других (правда, более редких) случаях центрируют все на частных и весьма односторонних терминосистемах, игнорируя значительно более богатые культурные традиции.

И точно так же поступают те, кто разрабатывает идеологию и методологию терминологической работы: одни оправдывают и обосновывают первую установку, другие — вторую.

Однако фактическое существование каких-то процессов и тенденций в истории инженерии или науки, как мы хорошо знаем, не доказывает еще их необходимости и целесообразности. Поэтому перед терминологической службой по-прежнему со всей остротой стоит вопрос: насколько правильным в каждом случае является то или иное решение, насколько оно идет по ходу перспективных исторических процессов развития научно-технических знаний и терминов или, наоборот, тормозит и запутывает их.